

Еще раз повторю: я абсолютно уверена, что в тот памятный день, когда я впервые побывала в квартире, у меня совершенно не было мыслей возвращаться туда вновь. Я мечтала об одном – убежать побыстрее, подальше и навсегда. Однако уже на следующий день, примерно в два часа дня, я вновь оказалась под ее окнами. Тогда, в первый раз, я не обратила внимания, как они выглядят при дневном свете. Да и не заметила, где они находятся. Но в этот раз, на миг замешкавшись у поворота к парадной, я подняла голову и сразу поняла – вот оно, окно кухни. Рядом – балкон и окно большой проходной комнаты, еще левей – комнаты-кладовки. Окна были предсказуемы: такие же идеально чистенькие, новенькие и одинаковые, как и все внутри. Белые стеклопакеты. Прозрачные, как вода, стекла. Интересно, как часто их моют? Если каждый день, то вот ведь бедолага хозяйка: она весь свой краткий вечерний отдых проводит в домашних трудах. В кладовке по краям окна было заметно нечто вроде прозрачного зеленоватого тюля. Я вспомнила, что такой же висел и в спальне, когда я туда мельком заглянула. Балконное окно большой комнаты было полностью завешено похожим тюлем, только оранжевого оттенка. Вероятно, их покупали в одном магазине. А кухонное окно украшала белая рулонная штора. Сейчас она была опущена наполовину. Вчера, кажется, тоже.

Почему я решила вернуться? Объективно (я пытаюсь быть в своем повествовании максимально объективной, как ты и просил) я пришла потому, что на следующий день мне нужно было платить за комнату, а денег после похода в магазин не набиралось даже на одни лишние сутки. Похоже, вернулась временно меня покинувшая способность планирования. Например, планирования страха. Еще три дня назад, как ты мог заметить, у меня вообще не было ни копейки денег, но я не волновалась. А стоило мне почувствовать себя владелицей целых трех тысяч (быстро превратившихся в одну), как норма спокойствия повысилась. Поэтому наутро после первой ночи в новой комнате, после пробежки (это святое, я лишь после нее начинаю думать), бюджет в 600 рублей уже поверг меня в ужас. Поев, затем проведя пару часов в ступоре, после чего съев остатки (за это время к лучшему, увы, ничего не изменилось), я поняла, что могу спастись только здесь, с помощью заветной шкатулочки. Но на что я могла рассчитывать? Взяв еще три, а может, четыре тысячи, я лишь отсрочила бы наступление краха. Впрочем, это я понимаю лишь сейчас. Тогда у меня не было выбора. Были лишь ключи и была квартира, которая ими отпиралась. И куча чистеньких и полезных вещей внутри. В особенности – внутри шкатулки. И надежда, что в середине дня квартира опять будет пуста, и что это не хозяин квартиры нашел номер моего телефона. И я подошла к двери.

Холодное липкое оцепенение в теле в момент, когда я прикладывала ключ-таблетку, входила в подъезд и делала первые шаги по лестнице, было похожим на вчерашнее. Но – видимо, мозг не терпит абсолютных повторений – оно все же было чуть другим, меньшей интенсивности. Внимание уже выхватывало из пространства детали, которые вчера я, полностью занятая страхом, не зафиксировала. Пол лестницы был выложен квадратиками из линолеума. В одном месте кусочек квадратика отвалился, и виднелся голый пыльный бетон. Я заметила, что напоминаю себе о необходимости бояться: «А вдруг на сей раз хозяевам понадобилось остаться дома? Или они внезапно вернутся, вот прямо сейчас?» Сознание реагировало, но более вяло, чем ожидалось. Уже почти поднявшись, я вспомнила, что совершила промах: забыла для проверки позвонить в квартиру через домофон. Я уже хотела вернуться, как в голову пришла спасительная идея: я просто позвоню в дверь, а если (не дай бог) мне откроют, то попробую изобразить из себя продавца какой-нибудь лабуды. При первых же фразах, сказанных с соответствующей интонацией, дверь передо мной непременно захлопнется, и я буду спасена.

Вот и дверь. Я позвонила. Дурацкие трели звонка отыграли два цикла, потом – тишина. И в этот момент послышался звук открываемой двери этажом выше. Медлить было нельзя. Я вставила и мгновенно провернула верхний ключ четыре раза, затем воткнула ригель. Не успел невидимый жилец сверху закрыть за собой дверь, как я уже запирала свою. Боже! Удалось. В квартире

была тишина. Несколько секунд сохранялась опасность 1) появление кого-то из недр квартиры, 2) звонка в дверь того субъекта, который слышал закрывание моей двери; если это была, не дай бог, какая-нибудь приятельница хозяйки, которая жаждет с ней поговорить. Но гроза миновала – шаги спокойно прошли мимо двери вниз. И «моя» квартира тоже оставалась нема. Я была в безопасности. По крайней мере, на пару часов.

В прошлый раз мне и в голову не пришло снять обувь – так я спешила. На сей раз я успела подумать, что следы (хотя на улице было сухо, но все же) могут обратить на себя внимание. Поэтому, презрев опасность задержки в случае погони, я все-таки сняла кроссовки и оставила их у двери. Первым делом зашла на кухню. Все было точно так, как в прошлый раз (или мне показалось?). Хозяйева, видимо, фантастические аккуратисты: на столе и у мойки не было ни одной немытой чашки. Чистый стол, покрытый скатертью с красно-белым рисунком, на котором четко посередине красовался фигурный поставец с солью и перцем: две солонки-собачки из фарфора, сидящие в плетеной корзинке. Измученный страхом мозг прямо таки впился в них вниманием, ища успокоения. Да-да, пошло, но вместе с тем трогательно! Холодильник соответствовал собачкам: белая дверца украшена аккуратными рядами магнитиков с изображениями разных курортов и заграничных городов, куда ведут популярные интуристские тропы. Я бегло заметила названия Хорватии, Турции и Египта, а также Дрездена и Парижа. В семье явно есть лишние деньги на ежегодные загранпоездки, подумала я (ты думаешь – с завистью? Боюсь, ты прав. Нехорошо завидовать, особенно тем, кто волей-неволей оказывает тебе большую услугу. Но я обещала писать только правду).

Я заглянула в холодильник. И сразу почувствовала острейший голод. Смотреть на это спокойно было невозможно. Дорогой импортный сыр «с плесенью», две упаковки, одна из которых начата! По меньше мере три упаковки различных аппетитных копченостей, оттенков от нежно-розового до пурпурного, одна из которых – салями в нарезке – тоже заманчиво открыта. Дверные отсеки забиты яйцами. Ах, как же я люблю яйца! Также был затейливый черный хлеб, начиненный всевозможными семечками и орешками (люди, которые не знают, на что потратить деньги, обычно покупают именно такой). Куча йогуртов и прочих пудингов (я имею в виду разные сладкие кремообразные субстанции, скрытые в стаканчиках с металлизированными пленками-крышечками. О, я знаю их вкус! Но как же давно я не ощущала его на своем языке!). Несколько сладких плюшек в упаковке. В морозилке – мясо, рыба, замороженные овощи. И мороженое. Светло-зеленое, фисташковое!

Я фантастически быстро приняла решение, и еще быстрее объяснила его своей совести. Позаимствовать немного продуктов из холодильника в сравнении с тем, ради чего я пришла – это даже не кража, не правда ли? Это как будто хозяйева решили меня угостить. И, хотя формально голодной я не была, после знакомства с холодильником я испытала мучительное мультисенсорное желание. Эти цвета, эти поверхности, эти запахи, вкусы! Нет, я не смогла бы уйти, не приобщившись к ним. Быстро оглянувшись, я нашла то, что требовалось: специальное пластиковое хранилище для полиэтиленовых пакетов. Вытащив через дырочку один из них – он оказался чистым – я быстро добыла из открытой упаковки салями несколько ломтиков. И вновь я утешала себя мыслью, что хозяйева, конечно же, ничего не заметят. С их-то загранпоездками! С сыром было сложнее: пришлось достать из стаканчика с металлическими приборами ножик, аккуратно отрезать кусок, завернуть упаковку, а ножик вымыть, вытереть полотенцем и поставить на место. Следом в пакет отправились две упаковки кремообразных вкусностей в стаканчиках и штук пять яиц, которые я постаралась взять из самых дальних углов яичных полок (там точно не заметят). Заодно прихватила сырок в шоколаде (их тоже было несколько), оторвала из связки один банан и, поколебавшись немного, взяла одну плюшку. После моего набега общее ощущение наполненности холодильника не изменилось (во всяком случае, на мой взгляд). Правда, если хозяйка точно помнит, что у нее было три плюшки, а стало две, то

она может задать вопрос мужу, а не он ли ее съел... Впрочем, думать было некогда. Я отнесла наполненный пакет в прихожую и поставила рядом с кроссовками, а сама прошла в гостиную к шкатулке. Здесь тоже ничего не изменилось, хот в глаза мне опять-таки бросилось несколько новых предметов, которые я не заметила раньше. Например, на стене висела «концептуальная» фотография большого формата – какой-то коллаж из городского пейзажа с небоскребами, граффити и красного отпечатка следа ботинка со стекающими кровавыми каплями. Жалкая пародия на авангард 60-х, беспомощная претензия на глубокомыслие. Или нет, скорее всего – вполне осознанная попытка угодить дурному вкусу тех, кто взаправду считает это «высоким искусством». Небошь, все эти ИКЕИ подобным образом низвергают искусство по сто штук за день. Скорее всего, картинку подарили хозяевам на день рождения: это самая правдоподобная версия происхождения в домах таких предметов. К тому же, ягуаровые ботфорты и красная куртка в прихожей, а также фарфоровые собачки с коллажем не очень сочетались: это были определенно разные грани пошлости. Хотя при желании можно подобрать и солонку с претензией на постмодернизм, и тогда вся пошлость в квартире будет одного жанра. Я почему-то задумалась над тем, кто и по какому случаю подарил хозяевам каждый из предметов. Можешь не продолжать, я знаю: это была все та же зависть. Мне-то никто ничего не дарил, ни пошлого, ни какого бы то ни было еще.

Между тем я уже открывала заветную шкатулку. Пачка купюр не показалась мне тоньше, чем вчера: либо ее докладывали, либо, как я и надеялась, исчезновение трех бумажек не повлияли на ощущение целого. Сколько взять? Внутренний голос говорил: «Не менее пять тысяч, чтобы иметь возможность подольше не возвращаться сюда». Разум спорил: «Отсутствие пяти бумажек уже будет заметно. А вкупе с подозрением, что что-то исчезло из холодильника....». Я перебила возражения разума мыслью, что что-то же надо делать, и назад пути все равно нет. Выход был найден. Под пачкой тысячных купюр, как и в прошлый раз, лежало несколько пятидесятых. Неуверенно повторяя про себя заклинание «они ничего не заметят», я вытянула одну. Следом – одну тысячную. Минус два листка. С виду пачка не уменьшилась. Вроде бы.

Опять, как и в прошлый раз, после завершения «дела» вернулся страх. Я снова неуклюже бросилась к дверям, как будто именно сейчас выигранные пара секунд могли спасти меня от разоблачения. Раз, два – кроссовки натянуты. Посмотреть в глазок, прислушаться у двери – все тихо. Побейте, и с богом.

На сей раз соседи моих неизвестных благодетелей поберегли мои нервы и не встретились мне на лестнице. Уже задним числом я поняла, что продукты лучше было бы сложить не в полупрозрачный пакет, а в плотную сумку: незнакомый человек, выходящий из чьей-то квартиры с подобным продуктовым набором, может вызвать подозрение. Впрочем, это было уже неважно: в этот момент я твердо знала (в очередной раз), что больше здесь не появлюсь. Теперь это становилось объективно опасно. Если после сегодняшнего визита у хозяев возникнет (усилится) подозрение, то они могут подготовиться: например, спрятать где-нибудь работающую камеру. Не знаю, как это делается технически, но ведь как-то делается. Нет, увы, с гостеприимной сытой квартирой покончено.